

УДК 343.123.66

DOI: 10.17223/22253513/42/7

П.М. Титов

КРИТЕРИИ ОТНЕСЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ К ДЕЛАМ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ

Анализируются критерии отнесения преступлений к делам частного обвинения. Рассматриваются отличия уголовных дел частного обвинения от гражданских дел, рассматриваемых в исковом порядке. Исходя из публичности уголовного судопроизводства делается вывод, что дела частного обвинения имеют публично-правовую основу и ограниченные проявления диспозитивности.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; публичность уголовного судопроизводства; частное обвинение

Уголовное судопроизводство в Российской Федерации носит в целом публичный характер. Как верно отмечено С.А. Бочкаревым, «право защищает не только жизнь человека как эгоцентричного существа, но и как существа социального» [1]. Любое преступление посягает не только на интересы, права и свободы конкретного потерпевшего, но и на общество в целом. Лицо, совершившее запрещенное уголовным законом деяние, потенциально опасно для любого человека, поскольку охраняемые этим законом ценности не представляют для него существенной значимости. Уголовное судопроизводство, являясь инструментом реализации уголовного права, представляет собой реакцию государства на выявленное преступление. С.Л. Лонь справедливо отмечает: «...производство по уголовным делам – это “карающий меч государства” для лиц, совершивших общественно опасные деяния... И какой бы вид уголовного судопроизводства каким бы порядком (формой) не прикрывался, сущность и назначение его изменить нельзя» [2. С. 39].

Публичный характер уголовного судопроизводства имеет много проявлений, важнейшими из которых являются следующие:

- осуществление уголовного преследования, т.е. всей деятельности по раскрытию преступлений, собиранию доказательств виновности лица в инкриминируемом деянии, не потерпевшим, а компетентными государственными органами;

- возбуждение уголовного дела при наличии признаков преступления, независимо от желания потерпевшего. В науке справедливо утверждается, что «инициатором судопроизводства в публично-правовой сфере защиты от уголовных преступлений... является государство в лице уполномоченных органов» [3. С. 414];

- недопущение прекращения уголовного дела за примирением потерпевшего с обвиняемым (за исключением случаев, прямо предусмотренных законом).

Вместе с тем на общем публично-правовом «фоне» уголовного судопроизводства имеется исключение – дела частного обвинения, которые возбуждаются исключительно по заявлению потерпевшего и подлежат обязательному прекращению в случае примирения потерпевшего и обвиняемого. Высокий уровень диспозитивного начала в делах частного обвинения приводит некоторых исследователей к выводу о сходстве этих дел с гражданским исковым производством [4. С. 118]. Однако отождествление этих дел необоснованно. В делах частного обвинения диспозитивность проявляется только в двух факторах: в исключительном праве потерпевшего на осуществление уголовного преследования и на его прекращение в результате примирения с обвиняемым. При этом даже в случае прекращения дела по указанному основанию «судья не перестает быть носителем публичной судебной власти. Судья принимает публичное властное решение, что само по себе предполагает и свободу оценки всех обстоятельств дела, и свободу судейского усмотрения, и персональную юридическую ответственность не только за процедурную чистоту рассмотрения дела, но и за обеспечение защиты частных и публичных интересов в конкретном деле» [5. С. 22].

В настоящий момент законодатель относит к частному обвинению всего три состава преступления, предусмотренных ч. 1 ст. 115, ч. 1 ст. 116¹ и ч. 1 ст. 128¹ УК РФ. Очевидно, что и в перспективе сфера частного обвинения не может быть велика [6. С. 17]. Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что «иное означало бы безосновательный отказ государства от выполнения возложенных на него функций по обеспечению законности и правопорядка, общественной безопасности, защите прав и свобод человека и гражданина и переложение этих функций на граждан» [7].

Отдельные ученые полагают, что диапазон действия частного обвинения необходимо резко увеличить. Придерживающийся такого мнения О.А. Тарнавский аргументирует его тем, что «институт частного обвинения... характеризуется ярко выраженными положительными практическими результатами в сфере защиты прав и законных интересов личности... Отсутствие прокурора... позитивно сказывается на объективности судей, которые выносят решения, не оглядываясь на возможность их обжалования со стороны государственного обвинения» [4. С. 119].

Выдвинутые автором обоснования носят весьма спорный характер.

Во-первых, само по себе увеличение количества оправдательных приговоров при отсутствии анализа обстоятельств их постановления не является однозначным индикатором демократичности и прогрессивности правосудия. Увлечение в данном вопросе сугубо арифметическими показателями приводит к весьма поверхностным теоретическим выводам, а при попытке внедрения этих выводов в правоприменительную деятельность – к негативным социальным последствиям, когда вынесение оправдательного приговора само по себе будет считаться исключительно позитивным решением, вне зависимости от установленных по делу обстоятельств.

Во-вторых, автор соглашается с тем, что по делам частного обвинения постановление оправдательного приговора является результатом не тща-

тельного сбора и исследования доказательств, а отсутствием возможности квалифицированного обжалования судебного решения. Однако это свидетельствует о незаконности и необоснованности таких решений. Для правового и демократического государства подобная ситуация неприемлема.

Иные негативные последствия необоснованного расширения сферы частного обвинения в уголовном судопроизводстве аргументированно и убедительно отмечали многие процессуалисты. Так, М.К. Свиридов справедливо указывает: «Уголовный процесс как средство реализации норм уголовного права – а в этом его основное назначение – должен в полном объеме соответствовать характеру уголовного права. Последнее же может быть только публичным. Поэтому публичной должна оставаться основа уголовного процесса» [8. С. 54]. Т. Кленова обоснованно дополняет: «Идея развития частного начала в уголовном праве представляется перспективной, но не в ущерб утверждению специфичности норм уголовного права и уголовно-правовых отношений» [9. С. 42]. Исходя из этого, с социально-политической точки зрения неприемлемо господство частных начал ни в уголовном, ни в уголовно-процессуальном праве.

Вместе с тем обсуждение определенного расширения частного обвинения в уголовном судопроизводстве вполне оправданно [10]. Очевидно, что в настоящее время решения о законодательном отнесении к частному обвинению того или иного состава преступления принимаются ситуативно и в значительной степени интуитивно. Вместе с тем следовало бы разработать универсальные критерии, позволяющие обосновывать соответствующие изменения закона.

Представляется возможным выделить несколько таких критериев.

Первый критерий характеризует само преступное деяние. К частному обвинению целесообразно относить лишь такие преступления, которые посягают преимущественно на интересы конкретного лица, а общественные интересы затрагивают в минимальной степени. Подобную позицию сформулировал Конституционный Суд Российской Федерации, указавший, что в сферу частного обвинения включаются дела о преступлениях, «совершаемых обычно на почве конфликтов межличностного характера в основном в сфере внутрисемейных отношений, в общении между соседями и сослуживцами, по которым необходим учет субъективного восприятия потерпевшим совершенного в отношении него деяния» [11]. Разумеется, посягательство на такой объект уголовно-правовой охраны, как здоровье человека, в принципе не может быть малозначительным и не представляющим общественной опасности [12. С. 64]. Вместе с тем нельзя не принимать во внимание очевидную дифференциацию характера опасности различных преступных деяний. Те из них, которые направлены в основном против конкретного отдельного человека, вполне могут быть отнесены к частному обвинению.

Следует учитывать и наличие субъективной составляющей: лицо, в отношении которого совершено подобное деяние, вправе оценивать его или как посягающее на собственные права и интересы, или как не посягающее

(разумеется, при условии, что лицо, в частности, не страдает тяжкими физическими или психическими заболеваниями, не находится в существенной зависимости от виновного, лишаящей его практической возможности выражать самостоятельную точку зрения, и т.п.). В данном контексте необходимо иметь в виду, что «отказ от уголовного преследования лица... нанесет публичным интересам вред, несоизмеримо менее значительный, нежели тот, который был бы причинен потерпевшему, если бы, вопреки его воле, уголовное преследование осуществлялось в публичном порядке» [13. С. 103].

При этом и для конкретного потерпевшего не должно наступать серьезных негативных последствий, поэтому пострадавший от преступления «не воспринимает совершенное в отношении него деяние как вызвавшее столь сильное неудобство, что целесообразно начать уголовное преследование в частном порядке» [14. С. 18]. Можно использовать и такие детализирующие критерии, как наличие между потерпевшим и обвиняемым родственных отношений, неосторожная форма вины и т.п. [15. С. 19]. Производство именно по таким составам преступлений может быть отнесено к частному обвинению.

Вторым критерием отнесения тех или иных составов преступлений к частному обвинению выступает возможность соответствующего уголовного дела выполнять превентивные функции. Иными словами, привлечение к уголовной ответственности за данное преступление позволяет предотвратить совершение обвиняемым другого, как правило, намного более опасного и тяжкого деяния. Разумеется, это не означает, что существует определенная дихотомическая конструкция, при которой преступлению, отнесенному к частному обвинению, строго соответствует какой-либо состав, являющийся публичным обвинением, «профилактируемый» делом частного обвинения. Закономерности взаимодействия значительно сложнее. Очевидно, что привлечение к уголовной ответственности за менее опасные преступления позволяет избежать прежде всего совершения преступных деяний с одинаковым или однородным объектом посягательства. Этот фактор и следует учитывать при установлении частного характера уголовного преследования за то или иное преступление. Если же преступление носит условно «самодостаточный» характер, не связано содержательно с другими составами преступлений, и привлечение за его совершение к уголовной ответственности не в состоянии предотвратить совершение иных деяний, относить такой состав преступления к частному обвинению нецелесообразно.

Третий критерий связан с особенностями установления обстоятельств совершенного деяния. Дела частного обвинения не возбуждаются в обычном порядке и не проходят стадию предварительного расследования; заявление потерпевшего, выполняющее одновременно функции повода и основания для возбуждения уголовного дела, а также обвинительного акта, подается мировому судье, решение которого о принятии данного заявления к своему производству приравнивается к возбуждению дела. Сбор доказательств причастности лица к преступлению возложен практически в пол-

ном объеме на подателя заявления (частного обвинителя), который при этом не наделен государственно-властными полномочиями. Исходя из этого, обстоятельства преступления должны быть таковы, чтобы для их установления не требовались поиск и изъятие предметов, обладающих свойствами вещественных доказательств. Следственные действия, требующиеся для получения соответствующих объектов, в условиях частного обвинения просто некому будет производить, поскольку частный обвинитель такими правомочиями не наделен, а мировой судья не вправе переходить на позицию какой-либо из сторон и полномочен лишь оказывать содействие стороне в собирании доказательств.

Четвертый критерий отнесения дел к частному обвинению – это «возможность урегулирования возникшего конфликта и установления нормальных отношений без вмешательства судебных органов (посредством примирения сторон)» [16. С. 175]. Исчерпание конфликта означает достижение такого состояния, когда устраняется общественная опасность совершенного деяния. Об этом свидетельствует добровольное примирение потерпевшего с обвиняемым, а также отсутствие ущерба от преступления для других лиц. При наличии этих факторов дальнейшее осуществление уголовного преследования является излишним проявлением уголовно-правовой репрессии и не соответствует задачам уголовного и уголовно-процессуального регулирования.

Следует согласиться с О.И. Андреевой, полагающей, что в нормативной конструкции дел частного обвинения «значительное место должна занимать примирительная процедура» [17. С. 7], в ходе которой потерпевшему и обвиняемому разъясняются сущность, основания, процессуальный порядок и последствия примирения. Более того, в отличие от дел публичного обвинения, производство по делам частного обвинения, с учетом их превентивной направленности, должно быть направлено не на осуждение виновного, а на примирение потерпевшего и обвиняемого.

В науке уголовного процесса высказано мнение о необходимости формулирования критериев отнесения дел к частному обвинению не на объективном, а на субъективном уровне. Так, И.Ю. Куленкова считает критерием не степень общественной опасности деяния, а желание потерпевшего привлечь виновное лицо к уголовной ответственности [18. С. 153]. Однако предлагаемый критерий не отвечает признаку унифицированности, и поэтому его невозможно распространить на группу общественных отношений. По одному и тому же составу преступления у одних лиц может возникнуть желание привлечь виновного к уголовной ответственности, а у других такого желания не появится. Очевидно, что желание или нежелание осуществить уголовное преследование является не самостоятельным критерием отнесения преступления к частному обвинению, а, напротив, характеризует свободу и границы волеизъявления в пределах, установленных на базе соответствующего критерия.

Совокупность приведенных аргументов позволяет сформулировать вывод о том, что к частному обвинению должны в основном относиться дела

о преступлениях против личности, здоровья и личных свобод. Вместе с тем крайне нецелесообразно включать в частное обвинение любые виды хищений, поскольку по делам о подобных преступлениях требуется прежде всего установить место нахождения похищенного имущества и произвести его изъятие, для чего участники дел частного обвинения не располагают необходимым правовым инструментарием.

Предложенные общие критерии отнесения тех или иных составов преступлений к частному обвинению являются ориентиром, а не жесткими границами. Отнесение дел к частному обвинению должно осуществляться в рамках сформулированных критериев путем «штучного» перебора предусмотренных Особенной частью УК РФ составов преступлений. Такое исследование должно носить системный характер и производиться совместно специалистами в областях уголовного права и уголовного процесса.

Литература

1. Бочкарев С.А. О физических и метафизических началах уголовно-правовой охраны жизни // Вопросы философии. 2018. № 5. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1954&Itemid=52 (дата обращения: 30.10.2019).
2. Лось С.Л. Судебное разбирательство уголовных дел: назначение, задачи, элемент регулирования социальных отношений // Социальное и пенсионное право. 2006. № 3. С. 38–41.
3. Правосудие в современном мире / В.И. Анишина, В.Ю. Артемов, А.К. Большова и др.; под ред. В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. М. : Норма ; Инфра-М, 2012. 704 с.
4. Тарнавский О.А. Частное обвинение в российском уголовном судопроизводстве // Вестник Владимирского юридического института. 2011. № 2. С. 117–120.
5. Тарасов А.А. О публичном интересе в делах частного обвинения // Мировой судья. 2012. № 4. С. 20–23.
6. Кабельков С.Н. Прекращение уголовного дела в стадии предварительного расследования по нереабилитирующим основаниям, не исключающим производство по делу : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2001. 26 с.
7. По делу о проверке конституционности положений частей второй и четвертой статьи 20, части шестой статьи 144, пункта 3 части первой статьи 145, части третьей статьи 318, частей первой и второй статьи 319 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Законодательного Собрания Республики Карелия и Октябрьского районного суда города Мурманска : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27.06.2005 № 7-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 28. Ст. 2904.
8. Свиридов М.К. Тенденции развития российского уголовно-процессуального законодательства // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 358. С. 52–56.
9. Кленова Т. О совместимости публичного и частного интересов в уголовном праве // Уголовное право. 2006. № 2. С. 41–45.
10. Шамардин А.А. Законодательное определение круга составов преступлений, дела по которым рассматриваются в порядке частного и частно-публичного обвинения // Механизм реализации норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: проблемы и пути их решения. Ижевск, 2003. С. 82–88.
11. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Сверловой Елены Леонидовны на нарушение ее конституционных прав положениями части второй статьи 20, статей 318, 319 и 321 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17.09.2013 № 1336-О //

Конституционный Суд Российской Федерации. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision142507.pdf> (дата обращения: 25.10.2019).

12. Винокуров В.Н. Признаки и пределы малозначительности деяния в уголовном праве // Современное право. 2017. № 6. С. 64–70.

13. Дикарев И.С. Частное обвинение и процессуальные иммунитеты: проблемы совместимости // Журнал российского права. 2009. № 5 (149). С. 99а–105.

14. Гриненко А.В. Согласительные и примирительные процедуры в российском уголовном судопроизводстве // Мировой судья. 2016. № 10. С. 17–22.

15. Якимович Ю.К. Участие потерпевшего в уголовном преследовании // Уголовное судопроизводство. 2014. № 4. С. 17–20.

16. Степанова В.Г. Назначение института частного обвинения по действующему уголовно-процессуальному законодательству и пределы частного обвинения // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2014. № 2 (6). С. 168–178.

17. Андреева О.И. Концептуальные основы соотношения прав и обязанностей государства и личности в уголовном процессе Российской Федерации и их использование для правового регулирования деятельности по распоряжению предметом уголовного процесса : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2007. 48 с.

18. Куленкова И.Ю. Особенности рассмотрения дел частного обвинения в суде первой инстанции // Вестник Удмуртского университета. Сер. Экономика и право. 2011. № 1. С. 152–156.

Titov Pavel M., Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ekaterinburg, Russian Federation)

CRITERIA FOR CLASSIFYING CRIMES AS PRIVATE PROSECUTION CASES

Keywords: criminal proceedings, publicity of criminal proceedings, private prosecution.

DOI: 10.17223/22253513/42/7

The paper analyses the legal nature of criminal cases of private prosecution. Based on the principle of publicity of criminal proceedings it is argued that these cases also have a public-law nature. Manifestation of discretion in cases of private prosecution is limited only to the right of the victim to initiate criminal proceedings and its termination through reconciliation with the accused. In all other aspects, private prosecution cases are subject to the rules of publicity. In particular, the victim has no other means of disposing of the fate of the case than reconciliation.

In view of the above, the statement about the identity of criminal cases of private prosecution with civil lawsuits is criticised.

The author analyzes the views expressed in science regarding the scope of private prosecution. It is argued that significant expansion of private prosecution contradicts the objectives of criminal proceedings, and therefore is inadmissible.

The paper formulates criteria for including crimes into the category of private prosecution cases.

The first criterion is that in the course of the crime the interests of a particular person are primarily encroached upon, and the public interest only to a minimal extent. At the same time, the victim should not suffer serious negative consequences. With these factors in mind, it is up to the victim to assess the criminal nature of the act.

The second criterion is the preventive nature, i.e. preventing the commission of similar, more serious crimes as a result of criminal prosecution.

The third criterion is the possibility of collection of evidence by a victim who does not have state power. Cases of private prosecution should not include those where seizure of physical evidence is required.

The fourth criterion is the possibility of autonomous resolution of the conflict through reconciliation between the victim and the accused. In this case, the law should provide for

a conciliation procedure. Private prosecutions should have the ultimate aim not of convicting the perpetrator, but of ending the criminal case. This is how the prevention of private prosecution of offences is achieved.

On the basis of these factors, it is appropriate to classify offences against the person and personal rights as private prosecution cases. At the same time, specific decisions on the private nature of criminal prosecution should be made through analysis of individual offences. These studies require a systematic approach and should be carried out jointly by specialists in criminal law and criminal procedure.

References

1. Bochkarev, S.A. (2018) O fizicheskikh i metafizicheskikh nachalakh ugolovno-pravovoy okhrany zhizni [On the physical and metaphysical principles of the legal protection of life]. *Voprosy filosofii*. 5. [Online] Available from: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1954&Itemid=52 (Accessed: 30th October 2019).
2. Lon, S.L. (2006) Sudebnoe razbiratel'stvo ugolovnykh del: naznachenie, zadachi, element regulirovaniya sotsial'nykh otnosheniy [Litigation of criminal cases: purpose, tasks, element of regulation of social relations]. *Sotsial'noe i pensionnoe pravo – Social and Pension Law*. 3. pp. 38–41.
3. Anishina, V.I., Artemov, V.Yu., Bolshova, A.K. et al. (2012) *Pravosudie v sovremennom mire* [Justice in the modern world]. Moscow: Norma; Infra-M.
4. Tarnavskiy, O.A. (2011) Private prosecution in Russian criminal proceedings. *Vestnik Vladimirskego yuridicheskogo instituta – Bulletin of Vladimir Law Institute*. 2. pp. 117–120. (In Russian).
5. Tarasov, A.A. (2012) O publichnom interese v delakh chastnogo obvineniya [On public interest in cases of private prosecution]. *Mirovoy sud'ya – Magistrate Judge*. 4. pp. 20–23.
6. Kabelkov, S.N. (2001) *Prekrashchenie ugolovnogo dela v stadii predvaritel'nogo ras-sledovaniya po nereabilitiruyushchim osnovaniyam, ne isklyuchayushchim proizvodstvo po delu* [Termination of a criminal case at the stage of preliminary investigation on non-rehabilitating grounds that do not exclude proceedings in the case]. Abstract of Law Cand. Diss. Volgograd.
7. The Constitutional Court of the Russian Federation. (2005) On verifying the constitutionality of the provisions of Parts two and Four of Article 20, Part Six of Article 144, Paragraph 3 of Part One of Article 145, Part Three of Article 318, Parts One and Two of Article 319 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with requests of the Legislative Assembly of the Republic of Karelia and the Oktyabrsky District Court of Murmansk: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated June 27, 2005 No. 7-P. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii – Legislative Bulletin of the Russian Federation*. 28. Art. 2904. (In Russian).
8. Sviridov, M.K. (2012) Tendencies of development of Russian criminal procedure legislation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 358. pp. 52–56. (In Russian).
9. Klenova, T. (2006) O sovместимости publichnogo i chastnogo interesov v ugolovnom prave [On the compatibility of public and private interests in criminal law]. *Ugolovnoe pravo*. 2. pp. 41–45.
10. Shamardin, A.A. (2003) Zakonodatel'noe opredelenie kruga sostavov prestupleniy, dela po kotorym rassmatrivayutsya v poryadke chastnogo i chastno-publichnogo obvineniya [Legislative definition of the range of elements of crimes, whose cases are considered in the order of private and private-public prosecution]. In: *Mekhanizm realizatsii norm Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii: problemy i puti ikh resheniya* [Mechanism for the implementation of the norms of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: problems and ways to solve them]. Izhevsk: [s.n.]. pp. 82–88.

11. The Constitutional Court of the Russian Federation. (2013) *Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanki Sverlovoy Eleny Leonidovny na narushenie ee konstitutsionnykh prav polozheniyami chasti vtoroy stat'i 20, statey 318, 319 i 321 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii: opredelenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 17.09.2013 № 1336-O* [On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Sverlova Elena Leonidovna about the violation of her constitutional rights by the provisions of the second part of Article 20, Articles 318, 319 and 321 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Definition No. 1336 -O of the Constitutional Court of the Russian Federation dated September 17, 2013]. [Online] Available from: [http://doc.ksrf.ru/decision/KSRF Decision142507.pdf](http://doc.ksrf.ru/decision/KSRF%20Decision142507.pdf) (Accessed: 25th October 2019).

12. Vinokurov, V.N. (2017) *Priznaki i predely maloznachitel'nosti deyaniya v ugovnom prave* [Signs and limits of the minor act in criminal law]. *Sovremennoe pravo*. 6. pp. 64–70.

13. Dikarev, I.S. (2009) Private prosecution and procedural immunities: the problems of compatibility. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 5(149). pp. 99a–105. (In Russian).

14. Grinenko, A.V. (2016) Conciliatory and Healing Measures in Russian Criminal Proceedings. *Mirovoy sud'ya – Magistrate Judge*. 10. pp. 17–22. (In Russian).

15. Yakimovich, Yu.K. (2014) Participation of the defendant in criminal prosecution. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo – Criminal Judicial Proceeding*. 4. pp. 17–20. (In Russian).

16. Stepanova, V.G. (2014) The purpose of the institution of the private prosecution according to the actual criminal proceedings and the limits of the private prosecution. *Sibirskie ugovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya – Siberian Criminal Process and Criminalistic Readings*. 2(6). pp. 168–178. (In Russian).

17. Andreeva, O.I. (2007) *Kontseptual'nye osnovy sootnosheniya prav i obyazannostey gosudarstva i lichnosti v ugovnom protsesse Rossiyskoy Federatsii i ikh ispol'zovanie dlya pravovogo regulirovaniya deyatelnosti po rasporyazheniyu predmetom ugovnogo protsessa* [Conceptual foundations of the correlation of the rights and obligations of the state and the individual in the criminal process of the Russian Federation and their use for the legal regulation of activities to dispose of the subject of the criminal process]. Abstract of Law Dr. Diss. Tomsk.

18. Kulenkova, I.Yu. (2011) The peculiarities of private suit consideration in courts of first instance. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser. Ekonomika i pravo – Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law*. 1. pp. 152–156. (In Russian).